

Нина Рождественская

Мысли...

Сомнения...

Откровения...

Редактор-составитель — Тамара Вертилецкая

Мечты как гром мне память всколыхнули...

Об авторе

15 августа 1931 года на хуторе Юдино Тверской области в семье Ивана Арсентьевича и Марии Кузминичны Рождественских родилась девочка. Назвали её Нина.

В 1943 году семья переехала в село Лозьёво, а в 1946 году в город Бежецк этой же области. Кроме Нины в семье было ещё четверо детей — братья Иван, Александр, Николай и сестра Валентина. Семья была дружной, работающей, жили хотя и не богато, но в достатке, а времена были совсем не лёгкие. Отец работал агрономом, а мама простой колхозницей.

Ещё в школе Нина начала писать стихи, продолжила она их слагать и, будучи студенткой, и даже однажды отправила несколько в газету «Комсомольская правда», к её радости и удивлению пришел отзыв, который она хранила всю жизнь: «Мы внимательно прочитали Ваши стихи. Вы способный автор. Чувства искренние, но, к сожалению, не всегда Вам удаётся изложить их в художественной форме. Есть штампы и общие места. Работайте над своей поэтической речью. Желаем успехов!»

С 1950 по 1955 гг. Нина учится в Криворожском горно-рудном институте по специальности горный инженер на факультете «открытая разработка полезных ископаемых».

Успешно закончив институт, по направлению от-правляется работать в Горную Шорию, в рудник Шалым Кемеровской области. Там она проработала более десяти лет. Начиная молодым специалистом, Нина Ивановна, благодаря своим знаниям, трудолюбию и творческому отношению к работе довольно быстро завоевала авторитет и уважение окружающих. В свободное время увлекалась шахматами, лыжами, чтением. Здесь же она влюбилась, вышла замуж и родила дочку Татьяну.

По жизненным обстоятельствам с ноября 1966 года она с дочерью переезжает в город Марганец Днепропетровской области, а уже в августе 1967 г. в далекий уральский городок на севере Свердловской области Качканар. Городу тогда исполнилось только десять лет, и Нина Ивановна активно включилась в трудовую и общественную жизнь горно-обогатительного комбината, работая на Главном карьере начальником бюро труда.

Помимо своей основной работы, её избирали и председателем общественного суда, и редактором стенной газеты, и пропагандистом марксистско-ленинских знаний, она постоянно участвовала в лыжных соревнованиях и шахматных турнирах, где неоднократно была победителем. И конечно писала стихи, активно и плодотворно участвовала в литературном объединении «Лукоморье». При поддержке и участии руководителя этого объединения, члена Союза журналистов России, Почётного гражданина города Качканара Краснопевцевой Галины Петровны издала сборники своих стихов «Это — капельки души» и «Раскрытая тетрадь». Её стихи печатались в местных городских газетах, а также были включены в сборники «Расцветай, Качканар!», «Крепче стали рабочее слово» и др.

В Качканаре Нина Ивановна стала бабушкой замечательных внуков — Валерии, Кристины, Владиславы и Данила, а затем и правнуков Андрея, Станислава и Святослава.

В Качканаре она и проработала до выхода на заслуженный отдых. Однажды, в очередной раз, перебирая свой архив, обнаружила давно забытую старенькую, пожелтевшую от времени тетрадку. И вновь «мечты как гром ей память всколыхнули», там были стихи её юности, написанные от руки чернильным пером, полудетским почерком, стихи той эпохи середины двадцатого столетия. В них как в зеркале отражались патриотизм, любовь к Родине, маме, раздумья о будущей профессии, такой, чтобы быть полезной народу и своей стране, и, конечно, же мечты о дружбе, любви, о счастье, о том единственном, кому можно открыть и доверить свою душу. Стихи из этой тетради прозвучали на дне рождения Нины Ивановны, в тот день, когда ей исполнилось 84 года. Друзья были тронуты искренностью, юношеской непосредственностью, и дыханием тех лет, они и посоветовали оформить эти стихотворения в книгу, которая перед вами. Нина Ивановна надеется, что она станет семейной реликвией, и будет передаваться от дочери к внукам, правнукам и праправнукам...

*Т.Вертилецкая,
зав.библиотекой профкома
ОАО КГОК «ВАНАДИЙ»*

Друзья мои, товарищи мои!
Мы снова вместе и в своём же классе.
Как дорого когда-то обошлось
Вот это кровью завоёванное счастье.

Мы всё это учили. Неправда ли, друзья?
И лозунг наш учиться и учиться.
Вы все должны понять, понять и порешить,
Как крепко за него должны мы биться!

Учиться крепко мы должны.
Учиться так, как завещал нам Ленин.
И чтобы не было у нас
Безволя, беззаботности и лени!

1 сентября 1949 года

Т. Выпускнице

Вот ты сидишь с подругою на парте,
Внимательно уроки повторяя.
И ничего в тебе особенного нет,
Простая и обычная такая.
Ты любишь веселиться, танцевать,
Кинотеатр охотно посещаешь.
Но что же в жизни предназначено тебе?
Ты этого, я думаю, не знаешь.
Быть может из тебя хороший выйдет врач,
А может быть, геологом ты будешь.
Но где бы ни была ты, где бы ни жила,

Ты школу эту не забудешь.
Ты помнить будешь то, чему учили нас;
Трудиться, рук не покладая.
Кто знает, что ты совершишь?
Простая и обычная такая.

О счастье

В жизни мне хочется счастья найти,
Сильное счастье, большое.
Пусть будут преграды стоять на пути,
Я не хочу другое.
Слабые только счастье берут,
Я ж его буду искать.
Многие тихо, спокойно живут,
Я буду бури ждать.
Трудно придется на том пути,
Трудности многих пугают.
Я буду бороться, чтоб счастье найти, —
Сильные гнить не желают.
Много придется нам совершить,
Отчизна надежду на нас возлагает,
Поэтому будем мы счастливо жить.
Каждый ведь счастья желает!

1 октября 1949 года.

Когда-то густые леса обнажились,
Давно улетели грачи.
Снежинки, снежинки опять закружились,
А сердце болит, хоть кричи.
Болит, как болело весною,
Болит, как болело вчера.
Наполнилась жизнь моя только тоскою,
Веселость моя — это только игра.
Зачем же все люди слепые такие,
Довольны все счастьем своим?
Не видят они, как страдают другие,
Как плохо живётся другим.

Если Родину любишь, еще не ясно,
Что ты её патриот,
Ты, может, забудешь, то лишь, прекрасно,
Что счастье с собой несет.
Ты должен трудиться, чтобы на пользу

Труд твой пошёл другим.
Тогда лишь ты можешь собою гордиться
И имя носить «Гражданин»!

Выбор профессии

Хочу быть геологом, мне говорят:
«Это опасно и трудно».
Друзья дорогие, поверите ль вряд,
Как это противно и нудно.
По-моему так, раз опасно,
То надо туда и пойти.
А как это будет прекрасно,
Железо, иль каменный уголь найти,
Разведать глухие местечки,
Везде побывать, всё узнать.
Смотрите, родные мои человечки!
Да можно ль о большем мечтать?
Но выбрать профессию вы не спешите,
Советую так выбирать:
Подумайте крепко и сами решите,
Где большую пользу вы можете дать.

11 ноября 1949 года.

(Нина Каменная и Нина Рождественская)

Сталину

Я люблю дорогую страну,
Это имя великое — Сталин,
И в мыслях обращаюсь к нему:
Где бы ни были, вечно он с нами.
Он везде, он в любом уголке страны.
Это им ведь наш путь озарен,
Наши песни весельем и счастьем полны.
И стоит СССР молодой и силён.
От него излучается свет,
Он к победе народы зовёт,
Пусть же здравствует много он лет,
Это скажет любой патриот.
Это скажет любой человек,
Югославский народ, патриоты Китая,
Все с любовью глядят на любимый портрет,
И страну, что для всех дорогая.
И если б была я поэтом,
То я не могла бы устать,
Страны любоваться расцветом,
И гимны и песни слагать.

21 ноября 1949 года.

Родине

Я люблю тебя сильно, любовью святой,
Почему так люблю, я не знаю.
И на благо твоё, подвиг высший, большой,
Совершить я всё время мечтаю.
Я с восторгом смотрю на долины твои,
Я лесами стою очарована.
Моё сердце полно необъятной любви,
Я красую твоей заколдована.
Рано утром люблю восход солнца встречать,
Наблюдать, как туман поднимается.
Всей твоей красоты не могу описать,
Ведь, наверное, у вас так случается?
Но одно лишь скажу, если надо тебе,
Свои силы отдам не жалея,
Свою жизнь за тебя положу я в борьбе.
Пусть над миром наш флаг гордо реет.

22 ноября 1949 года.

Н.Х.

Ты проста и пряма,
Я не знаю сама,

Как сказать тебе это стихами.
Есть ошибки порой —
Недостаток не твой:
Ведь ошибки случаются с нами.
Я хочу лишь сказать
И не буду молчать:
Иногда я тобой восхищаюсь,
Но бывает со мной,
Не довольна тобой,
И тогда я, прости, возмущаюсь.
Я не буду скрывать,
Ты должна это знать:
О тебе я хорошего мнения.
Знаю, счастье найдешь
И с пути не свернешь,
В этом нет никакого сомнения.

23 ноября 1949 года.

Друзья

Я знала мальчишку, любил он подругу
Всем сердцем горячим своим.
Встречались и ночью, встречались и в вьюгу,
Им весело было двоим.
Горячие думы поведаны были
Друг другу в ночной тишине.
Лишь звездочки ярко на небе светили,
Да месяц летел в вышине.
В один институт поступить собирались
Любили об этом мечтать.
Но этого счастья они не дождались;
Отчизну пошли защищать.
Своё комсомольское слово сдержали,
Служили примером в бою.
А вечером часто о лучшем мечтали
И песенку пели свою.
В жестокой и яростной схватке
Погибнуть обоим пришлось.
И плакали, молча солдаты,
И в первый раз слов не нашлось.

Как много на свете хороших людей!
Сердце у них — благородный металл:
Для Родины жизни не жалко своей,
Для Родины б жизнь свою каждый отдал.
Такие не редкость, их всюду полно
К лучшему каждый стремится.
Но все же известно везде и давно:
Советский ни с кем не сравнится.

Кто?

Ты мечта без конца и без краю,
Но я знаю, о чем я мечтаю.
И мечтать я люблю в тишине,
Мои думы ясны только мне.
Тихий вечер мне шепчет привет,
Сердце просит скорее ответ.
А мне задан вопрос был такой;
Кто мечтать со мной будет другой?
Кому мысли поведать другому?
Хоть и близкому, все же чужому,
Кому можно сказать не тая:
Открываю мечту для тебя?
Кто понять может мысли мои,
И, конечно, поведать свои,
Кто в весенней прохладе ночей,
Будет слышать, как пел соловей?
Тебе сердце ответ я даю,
Я поведаю душу свою
Лишь тому, кто не может ни дня,
Ни минуты прожить без меня.

14 декабря 1949 года

О книге

Если вам тяжело — помогу.
Много бодрости я берегу,
Не истрачу её и в века я.
И откуда же бодрость такая?
Если кажется свет вам не мил,
И тоскливым становится мир,
Полюбить его снова заставлю
И на правильный путь вас наставлю.
Вы не знаете, как же вдруг быть,
В данном случае как поступить?
И опять же лишь только со мной
Разрешите вопрос вы любой!
Вы хотите узнать, кто же я?
Я скажу вам, друзья, не тая:
Тот, кто бодрость вселяет в вас мигом,
Есть простая советская книга.

7 января 1950 года.

Мечта

Плохо жить без мечты,
Плохо жить для себя,
Никуда ни к чему, не стремясь.
Все мечтают, и я, да и ты,

Все мечтают Отчизну любя,
Свои силы отдать не страшась.
Я желаю геологом быть
И хочу, чтобы это сбылось
И готова для этого, всё совершить,
Как бы мне тяжело ни пришлось.
У геолога много тревог,
Но того не должна я бояться;
Много в жизни хороших дорог
Каждый должен любимой держаться.

1950 год КГРИ

А я люблю, опять люблю
Глаза, лицо, улыбку, руки.
И море счастья, и тоска
И неизмеренные муки.
И как, о берег непреклонный
Терзаясь, мечется прибой,
Я вновь брошен в эти волны
И вновь не справлюсь я с собой.
Тайга, Урал, крутые склоны,
Простой народ среди тех людей,
Я был уже почти уверен,
Что можно без любви твоей.
Приехав снова в институт,
Я не хотел тебя любить.

Вот если б мне тогда бежать,
Да всё равно бы не прожить.
У нас был вечер факультета.
Смех, шутки, песни и друзья,
И вдруг, летящей в плавном вальсе,
Опять увидел я тебя.
Когда мужчина плачет — страшно,
Когда бессилён он — страшней,
Но мне казалось, что я плачу,
Что весь во власти я твоей.
И чаша шумного веселья,
Цветущей радости, мечты,
Ты, опьяняюще родная,
Одна на веки, только ты!
И в ту минуту, как я плакал,
Мне захотелось подойти,
Схватить тебя, прогнать веселье,
Развеять радость. Унести,
А взгляд твой на одно мгновенье,
Лучистой, нежной синевою
Как ураган ворвался в душу
И победил рассудок мой.
Напрасно около полгода
Я чувства разумом смирял,
Себя обманывал, боролся
И вот всё сразу растерял.
Ведь сразу после нашей встречи,
Средь золотистых лип весной,
Узнал я, есть у меня сердце
И что оно живёт тобой.
А после радостной, веселой
Тебя увидел с парнем я.
Потом ещё. Ещё всё чаще
Тоской жила душа моя.
Я не пытался узнавать,
Могла ли ты меня любить,
Пойми, ведь сердце-то с тобой,
А мне нельзя без сердца жить.

15 декабря 1954 года.

Щедра ночка звёздная,
Прятала в тени.
Тишина в акациях.
Лишь они одни.
Говорил настойчиво
Парень не тая.
— Если только есть судьба,
Ты судьба моя.
Может, не откажешься
И пойдешь со мной?
Будешь мне товарищем,

Другом и женой. —
Замерли акации,
Чтоб узнать ответ,
Звёзды в черном бархате
Затаили свет,
А тоска в глазах его
Стала, вдруг расти,
Как она ответила:
— Не могу, прости, —
Повернулась медленно
И ушла одна.
В сумрачное облако
Спряталась луна.
Лишь в цветку акации
Чуть качались вслед:
— Нет, у этой девушки,
Видно сердца нет.

14 марта 1955 года.

Мама

Мама, моя близкая, родная,
Старенькая мама ты моя.
Ты же у меня хорошая такая!
Выслушай, родимая, меня.
Сколько горя, огорчений сколько
Ты переживаешь из-за нас
Иногда не слушаемся, споря,
Ведь бывало всякое не раз.
Ты устала, милая, родная!
Хорошо ль! На улице мороз
Под пальто и шапки забираясь,
Прямо холодит людей да слёз.
В холод, дождь, идешь ты на работу,
Чтобы накормить нас и одеть.
Даже в воскресенье и в субботу
Не найдешь ты время посидеть.
У тебя от черновой работы
Вечные мозоли на руках.
Все наши невзгоды и заботы
Можно прочесть в твоих глазах.
Вырастишь, поднимешь нас на ноги
И гордишься за детей своих.
Хороши детей твоих дороги.
Да и дети! Много ли таких!
Только часто мы не замечаем
Ласковых и твёрдых твоих рук.
Как-то получается случайно,
В сердце больше места для подруг.
Им подарки, им часы досуга.
Первые цветы им подарил.
Но найдешь ли ты такого друга,
Чтобы мать тебе он заменил!

Мама, моя близкая, родная!
Ты прости, хорошая меня.
Что порой, того и не желая,
Не берёг, не слушался тебя.

8 октября 1954 года.

Вам

Четыре студентки, четыре подруги,
Четвёртый год вместе живут.
У нас в институте, пожалуй, не встретишь
Таких неразлучных подруг.
Последние деньги, и радость и горе
У них было общим всегда.
И если одна из подруг загрустила,
Развеяли грусть без труда.
Глядишь, неполадки в учёбе — помогут,
Друг другу отстать не дадут.
Широкую, светлую, вижу дорогу
У тех неразлучных подруг.
Их кто-то раз в группе назвал... хохотушки,
А тут вот, не так уж давно
Четыре подруги с взволнованным видом
Вошли робко в дверь партбюро.
Мы думали долго и твёрдо решили,
Нам в партию надо вступать.
Мы с новою силою будем трудиться,
Бороться, дерзать, побеждать!
Пусть светлые, чистые наши стремленья
Мы в дело народа вольём.
У нас путь с народом и жизнь для народа.
Пойдём только этим путём!

10 октября 1954 года.

Катя Земленухина, Люба Дыба, Вера Макович, Нина Рождественкая

Прости, но я...

Вечер синей дымкой
Загуманил звёзды.
Я ждала бы больше,
Если б было можно.
Всюду поминутно
Ждать тебя бы стала,
Если б не сомненье
В душу мне запало.
Может, боль большую
Принесу тебе я,
Я сама тоскую
И тебя жалею.
Как сказать словами,
Чтобы не обидеть,
Что теперь тебя я
Не хочу увидеть.
Что не бьётся сердце
Как при первой встрече,
Как в тот тихий-тихий
В синей дымке вечер.
Что тому виною,
Я сама не знаю.
От души тебе я
Счастья пожелаю.
Ты желаешь счастья,
Я желаю тоже.
Парень с третьей группы
Мне всего дороже.
Чем я виновата,
Если полюбила,
Ну, забудь меня ты,
Я ж тебя просила.
Я сама не знаю,
Что со мной такое
Так волнует чувство
Сильное, большое.

16 октября 1954 года.

Ну и смейся надо мною

Ну и смейся надо мною,
Ну и не люби меня.
Разве я любовь то скрою
От друзей и от тебя?!
Вот уж, думаю, не буду
Даже виду подавать,
А увижу, всё забуду,
Покраснею я, опять.
Что я сделаю с собою,
Если вся я на виду!
Если я любовь не скрою,
Как её ни берегу.
Если сердце замирает,

Как увижу я тебя.
И от счастья всё играет,
Всё поёт во мне любя.
И стою перед тобою,
А лицо ярче огня.
Как же я любовь то скрою,
Коль она сильнее меня!

12 октября 1954 года

Две Нины. КГРИ

Ф. А.

Не заставляй меня страдать,
Не останавливай меня.
Ну, как не можешь ты понять,
Ведь это пытка от огня!
О, как он душу мою жжёт!
Живую, режет на куски,
Но не расплавит он твой лёд
И океан моей тоски.
Не заставляй меня страдать,
Ты знаешь, я тебя люблю.
Любви своей не можешь дать,
Тогда не тронь любовь мою.
Ты интерес свой потуши
К чужим страданиям и мечтам!
Уж на струнах моей души
Я поиграть тебе не дам.
Ты знаешь про любовь мою,

Я не сумела её скрыть,
Но я счастлива, что люблю,
И что умею так любить.

17 октября 1954 года.

Письмо

Нет, нет, ты так не говори,
И не проси тебя забыть!
Не надо мне другой любви,
Мне больше некого любить.
Ведь ты одна. И больше нет
Такой, как ты, любовь моя!
Вот на твои слова ответ,
Забыть тебя не в силах я
Родная, чуткая моя!
Прости, что так тебе пишу,
Ты знаешь, кто ты для меня,
Ведь я одной тобой дышу.
Люблю тебя. Любовь моя
И не пройдет, и не прошла.
Позволь уж мне беречь тебя,
Пока ты друга не нашла.
Ещё одно, прошу тебя,
Прости навязчивость мою,
Но что не сделаешь любя?
А если я тебя люблю?
Родная, чуткая моя!
Что делать мне и как мне быть?
Как можно не любить тебя,
Мне больше некого любить.

20 октября 1954 года

В

Казалось, всё уже забыто,
Из сердца с болью вырван ты.
Как будто временем покрыто,
Глаза, твой образ и черты.
Случайно вдруг, в толпе прохожих
На миг почудились глаза.
Твои глаза. И облик схожий.
Вернулось всё ко мне назад.
И вспомнила, сижу в вагоне,
Прощаясь мысленно с Москвой,
С толпою шумной на перроне,
Прощалась нехотя с тоской.
Уж на Москву спускался вечер,
Смягчая краски и тона.
И радость нашей первой встречи,

Надолго мне она дана.
Твой взгляд внимательный, упорный
Меня от мысли оторвал,
И голос ласковый, задорный
Как будто в душу проникал.
Казался ты давно знакомым
До боли близким и родным.
И то, что каждый был взволнован,
Понятно было нам одним.
Мы говорили. Смехом, шуткой
Звучал тогда наш разговор,
Но помню каждую минуту
Твои слова я до сих пор.
Во тьме лицо твоё родное.
Глаза. И вдруг я поняла,
Ты скажешь мне сейчас такое,
Что, может, я всю жизнь ждала.
Ждала, но видно не хотела
Тогда понять и оценить.
Серьёзный тон и всю суть дела
Сумела в шутку обратить.
Ну, вот и всё. И мы расстались,
Чтобы уйти и всё забыть,
Как будто для того встречались,
Как будто не могли любить!
И только взгляд при расставании,
Отчаянный, молящий взгляд,
Сказал, что встреча не случайна,
Что зря расходимся мы так.
Ушёл, и вдруг я поняла,
Что без тебя нельзя мне жить.
Любовь! Прости, что не смогла
Тебя сберечь и укрепить.
Я знала, ты с Днепропетровска,
Живёшь у тёти, нет родных.
Найти тебя не так-то просто,
Ещё при сведеньях таких.
Как будто я во сне была,
Красивый, яркий сон в пути.
Теперь я всё бы отдала,
Чтобы опять тебя найти.
Вокзалы, встречи, расставанья,
И вот опять среди друзей,
Но холодеешь от признанья,
Что рядом нет руки твоей.
Ну, где ты, вспомнишь ли порою,
Что есть на свете человек,
Готовый всюду быть с тобою.

1 октября 1954 года.

Найти корень жизни — стоит жизни

Когда теряешь друга жизни,

Теряешь счастье, мир, покой,
Недаром жизнь отдать за друга,
Способен каждый и любой.
Но боль въедливая раздавит,
Раздумьем душу изгрызёт,
Коль тот, кому доверишь душу,
Её раздавит, оттолкнет.

17 декабря 1956 года.

Да, и так порой бывает
Горе жизнь опережает.
За твоей любовью вслед
Шла к тебе я много лет.
Страшно, что тебе меня уже не нужно.

Я дружбу чистую, большую,
Такую дружбу признаю,
Когда ты мне отдашь всю душу,
А я отдам тебе свою.
Когда ни тени недомолвки,
Ни капли лжи и клеветы
И прямо, ясно, справедливо
В мои глаза посмотришь ты.

18 декабря 1956 года.

рудник Шалым

Ещё не вечер, Ещё не вечер...

2012–2016 год

Последняя тетрадь,
Не будь ко мне сурова,
Что буду я марасть
Тебя стихами снова.
Вдруг кто-то мне пошлет
Святое вдохновенье
И разум мой спрядет
Ещё стихотворенье.

Я не поэт

Я не поэт пишу белиберду,
Мелькают рифмы на мою беду,
Мелькают рифмы, мучают меня,
И темной ночью и средь бела дня.
Но нету поэтической строки,
Слова просты, обыденны, легки,
И скажет Краснопевцева опять:
Поэзии в тех строках не видать.
Я оттого ничуть не унываю,
Опять бумагу строчками мараю,
Хотя известно мне давно:
Ну, не дано, так не дано.

Такое было лето...

Что там с Уралом происходит
Мы словно в Африке все лето
Иль ось земная колобродит?
Иль замышляет что Планета?
Трава в июле пожелтела,
С деревьев опадает лист,
Досрочно ягода поспела
И небосвод горяч и чист.
И ветер, спутник наш могучий
Как ошалевший от жары
Над городом развеет тучи
И унесет их до Туры.
Светило солнце все грозней,
На Землю поддавая жару,
И чахнет урожай полей,
А по лесам пошли пожары.

Ни днем, ни ночью нет покоя
И пот по телу в три ручья.
О, братцы! Что ж это такое?
Проделка над Землею чья?
Иль, словно в нашем ЖКХ
И в небесах неразбериха?
И власть у Сатаны пока,
А тот всегда поборник лиха.
Но вот построен Божий Храм.
Хвала вам Храм создавшим,
И вера — да поможет нам —
Заблудшим и в грехах погрязшим.

Меня гнетут противоречья
И нет душе моей покоя,
Что в этой жизни человеческой
Грехи тащатся за тобою.

Среди дум растворилась,
Снова в прошлом застряла.
Почему не сложилось,
Все ответа искала.
И пронзило бывшее
Сердце тяжкой тоскою.
Зря ты жизнь беспокоишь,
Видишь? Утро с тобою.

Дневная суета устала,
Лишь дождь по листьям шелестит,
А на другом конце квартала
Ещё один встревоженный не спит.
Воспоминанья бередили память,
Они близки, они нежны, горьки.
Ах, если б все, что было между нами,
Вернуть опять на берег той реки.

Другу

Ты где же, мой далекий друг?
На сердце океан тоски
И памяти несчётный круг

Уже с отчаяньем близки,
И душу безнадёга рвет,
Мой друг, заблудший на планете,
В сей миг меня не позовет,
И не услышит, не ответит,
Цветы, что он любил дарить,
Теперь сама я покупаю,
Чтоб искру счастья засветить,
Мечтою прикоснуться к раю.
Но сердце, сердце говорит,
Что есть ты, друг, на этом свете,
И пусть звезда твоя горит,
Надежде бесконечно светит.
Вот я нашла твою звезду
В душе возникшее волненье
Донес мне ветер: я приду,
И да святится то мгновенье!

Вот никогда не думала я ране,
Что так приятно будет на диване.
Платок пуховый бросила на тело,
Оно истомой сладкою запело.
И стало мне светлей на этом свете
Хотя сегодня солнышко не светит,
А дождь стучит и просится в окошко,
Впустит его, погреться хоть немножко.

Я элемент, ненужный никому,
Со мной осталось только одиночье.
И часто память прорезает тьму:
Где исповедь моя рвалась на клочья.
И исчезала дружба — божий дар,
Разбитая тоскою на кусочки,
И этот новый жизненный удар,
Мой оптимизм сводил до точки.

Я жизнь свою могла прожить иначе,
Но, видно, у судьбы другой закон.
Березонька моя со мною плачет,
И снова журавлиный перезвон.
И часто я в плену тверских полей,
Купаюсь в их ковровом разноцветье,
Зальется в перелеске соловей

Своей победной песнью на рассвете.

Визит к врачу

«Поэт — король души,
Врач — император тела,
В один дворец судьба
Вместить их захотела,
Пусть опьяняет нас божественный бальзам,
И тело петь должно,
Чтобы душа запела»

Авиценна.

О как запело мое тело,
Как от хирурга я летела,
И впрямь: на тот бы свет пора —
Лечиться вздумала стара.
— Что с Вами, милая моя, —
Слова хирурга слышу я.
Немногословно объясняю,
Чем я на сей момент страдаю.
А он, не глядя, говорит:
Ваша болезнь полиартрит
И никакого назначения
Не выдает мне для леченья.
Какой-то миг я помолчала,
— И это всё? — ему сказала.
— Всё с Вами, милая моя,
Диагноз мой поставил я. —
— Но доктор, как же с пальцем быть?
Он не дает уже ходить.
— Ну что волнуетесь Вы, право
То деформация сустава. —
— Но хоть дадите наставленье,
Как мне улучшить положенье. —
— Все поздно, милая моя,
Рецепта Вам не выдам я.
Лечиться надо раньше было
Когда болезнь не наступила. —
— Спасибо, милое светило,
Меня ты быстро вразумило.
Чтоб не ходила по врачам,
Пусть каждый выживает сам.
Мне стало стыдно за визит,
Нет-нет, да сердце боль пронзит.
Но только помню что когда-то
Была же клятва Гиппократа.

Первый снег

Ну, выпал снег и будет слякоть,
А надо ли о том тужить?

Снег будет с крыш слезами капать,
Земля кружиться, люди жить.
Будут печали и невзгоды,
И счастье, радость возвратится,
Создал Всевышний антиподы,
И в жизни может все случится.

Кто там не спит в соседнем доме,
Всю ночь в окошке свет горит,
А ветер злится, воев, стонет,
Ночную темень бередит.
Вот словно спрятавшись в кустах,
Он на мгновение притих,
Вдруг как на струнах, на ветвях
Рванул встревоженный мотив.
Оркестром шумным вновь вернулся,
И вдруг с мистическим приветом
Лист золотой окна коснулся,
Быть может, это друг далекий
Воспоминанием вернулся,
Мне свой привет передавал,
И кто-то тоже одинокий
Чего-то ждал, кого-то ждал!

Тоска

Уйди, тоска, уйди седая,
Закройся в темноту ночи
В сугробах снега пропадая,
На сердце болью не кричи.
Иль убеги ты на планеты,
Что замышляют свой парад,
Где небо бархатом одето,
И звезды трепетно горят.
Когтями ты вцепилась в душу,
Уйди, тоска, не донимай
Того, что было, не разрушу,
Тому, что будет, не мешай.
Встает заря полоской алой,
Разбавил темноту рассвет.
Лишь бы надежда оживала
Любви не потерялся след.
Когда с друзьями вдруг осечка,
Когда терпенье на исходе —
Не погасите свою свечку,
Тоска от радости уходит.

Сила бумаги

Компьютер — это хорошо,
Но он холодный, равнодушный,
А на бумаге ваш стишок
Родным теплом заглянет в душу.
Бумага — это леса шепот
И сила солнца, звезд свечение,
И грома неземного рокот,
Все будет жить в стихотвореньи.
И вот любимая тетрадь
Все время рядом ждет тебя,
Тетрадь ту буду я листать
Как друга верного любя.

О себе

Теперь пишу я о себе,
Сложилось так в моей судьбе,
Что шар земной — громада сил
Меня вдруг в клетку заточил.
И ты, не нужный никому,
Уходишь дальше в эту тьму,
Где так сурова, непроста
Беда постигшего креста.

Ночь

Глядела ночь бездонными очами,
На город, лес, заснеженный простор,
Луна плыла по небу над домами,
Подслушивая в окнах разговор.
Все также вечность сторожила землю,
Был в ожидании праздника народ,
В ночной тиши природа дремлет,
На смену год тринадцатый идет.
Сегодня ожидают конец света
Алеет ярким пламенем закат,
Пушистым белым снегом приодеты
Деревья зачарованно стоят.
А на балконе прыгает синица,
Опять кормушку снегом завалило,
Привыкла птаха, больше не боится
И на ночь покормить её просила.
Все было так, как с сотворенья Мира,
Земля непокоренная дышала,
Луна свои владенья обходила
И ничего конца не предвещало.
Царица — ночь прекрасна и тиха,
Придет с любовью сотканный рассвет,
И день без злобы, ссоры и греха,

Как предрекал Всевышнего Завет.

Два Новых года, Рождество
Да плюс каникул десять дней,
Да чад семейных торжество,
Гуляй, Россия, ешь и пей,

О, поколение!

О поколение, о нравы,
Как изменилась жизнь земная.
Была страна, оплот державы,
Все изменила вражья стая.
Сегодня на пути любимом
Природы новая глава,
А в воздухе жизнетворимом
Несутся гадкие слова.
Идет из школы детвора,
Другого поколенья чада,
Звенит вечерняя пора,
И солнце с горизонтом рядом.
Был словно сказочный мираж,
Берез аллея, снег искрящийся,
И звонкий радостный кураж
Детей шумящих и кричащих.
Но дети, дети, наша радость!
Кому отдали свои души?
Они несли такую гадость,
Как говорится, вянут уши.
Шагали дети не спеша,
Слова такие говорили,
Что захолонула душа,
Да где же их тому учили?
О Боже, научи детей,
Чтоб стыд и совесть возродились,
Что в новой жизни без идей
В людских пороках заблудились.

Маме

Ошибки, промахи, удачи,
Вот матушка опять заплачет,
Когда придется уезжать,
Её надолго оставлять.
И горечь: мало навещала,
Одну надолго оставляла,
И ожиданья целый год

Так сердце матери гнетет.
И материнская любовь
Тоскою застучится вновь,
И мамино тепло родное
Скатится по щеке слезою.

Мария Кузьминична Рождественская

Отец Иван Арсентьевич

Луна

Подруга ты моя ночная,
На звездном небе полыхая,
Дарила желтый свет Земле,
Бессонницей грозила мне.
Лишь только полночь наступала
В окно лучами проникала,
По кругу осветив степенно
Кровать, диван, картины, стены.
А я-то детство вспоминала,
В поля тверские убегала,
То шла по юности смешливой,
То горькой, то такой счастливой.
Подруга ты моя ночная,
Плывешь уже среди полей,
Воспоминания читая
Из книги памяти моей.
Вот круглолицая луна
Ушла спокойно из окна,
А в памяти луна другая
Волнует и не отпускает.

Бывает в жизни вот такое,
Что нет от прошлого покоя.

Моя квартира

Я живу в гараже,
В гараже коллективном,
От бензина уже
Жить в квартире противно,
Под окном ставят к ночи
До десятка машин,
А в квартире нет мочи
Нам вдыхать их бензин.
Ночь покоя полна
И кругом тишина,
Вдруг сигнал заорал
На весь спящий квартал,
И теперь минут пять
Будет авто орать,
Чтоб хозяин вскочил
И к машине спешил,
Кто ж его разберет,
Зачем авто орет.
О времена, о наши нравы!
Ну, нет порядка, нет управы,
Содом, содом, сплошной содом!
Вот так вот братцы и живем!

Любовь

Вы муза моя сокровенная,
Вы тайна моя молчаливая,
Заполнена Вами Вселенная
И я ожиданьем счастливая.
Пахнет ветерка дуновение,
На ветках листва встрепенется,
И молнией вспыхнет видение,
А миг тот уже не вернется.
Но душу согреет сознание,
Что где-то живет человек,
И мука, тоска и страдание,
И радость, и счастье навек.
Шумит потепление весеннее,
Капелью в окошко звеня,
А сердце сжимает волнение:
Когда Вы найдете меня?
Придете, придете, я верю,
Я столько придумала слов,
Скорее откройте же двери,
Святая, земная Любовь!

Я буду вместе с Лениным в аду
И, может, Уго-Чавеса увижу,
Я верю в коммунизм, и не в бреду
Стремилась коммунизм тот сделать ближе.
Но вот беда — не спали богачи,
И два Иуды Родину продали,
О коммунизме больше не кричим,
Но в ад дорогу точно протоптали.

Утро

Среди дум растворилась,
Словно в прошлом застряла,
Почему не сложилось —
Все ответа искала.
И пронзило бывшее
Сердце тяжкой тоскою,
Зря ты жизнь беспокоишь:
Видишь? Утро с тобою.

Ну где ты, где ты человек,
Что был так нужен мне на свете?
Кружит в эфире Новый век,
А мне звездой двадцатый светит.
В душе полвека я ношу
Тревожный, как Цунами вечер,
Полвека я мечтой живу:
Я встречу, встречу, тебя встречу.
Мне кажется привыкнуть можно
Терять друзей, да так и жить,
Когда не больно, не тревожно,
Лишь вспышки памяти гасить.
И память та чиста, светла
И не приносит потрясений,
Сгорела боль уже дотла,
Лишь святость вспыхнувших мгновений.

Плыла я жизненной рекой
Года, как волны, уходили,
А мы тогда, любимый мой
Не встретились, не долюбили.
Хотелось многое сказать,
А я в тот вечер промолчала,

Чтобы все годы вспоминать,
Кого я в жизни потеряла.

В темном небе туч седые пряди
Сказочно висели над Землей,
Неподвижно на планету глядя,
Тишину внимали и покой.
На земле еще не просыпались,
Наслаждаясь утренним покоем,
Лишь порывы ветра прилетали,
Спящие деревья беспокоя.

То светлая, то черная...

Течет в полоску жизнь моя,
То светлая, то черная,
Бегут деньки мои вперед
Туда, где вечность меня ждет.
И лишь друзья — моя отрада,
Я так звонки их слышать рада.
Полоска белая прогонит черную,
Душа засветится незамутненная.
Незамутненная грехом уныния,
Полоской белою — шагаю ныне я.
Душа распахнута любому встречному,
Всему хорошему, святому, вечному.
Полоску темную уже забыла я,
Беги-беги за мной полоска светлая,
Ведь жизнь одна у нас неповторимая,
Полоской разною, но так любимая.

Через слово три мата,
Через слово три мата,
До чего оскудела страна,
Иль свобода во всем виновата,
Народили ль дебилов сполна.
И теперь от велика до мала,
Вся страна материться стала,
Дети, взрослые, что за тирада,
Эх, пороть бы бессовестных надо!

Как тяжело, как тяжело тебе человек
В тоске загуманенный вечер,
И друга хорошего рядышком нет,
И сникли душевные свечи.
Порывистый ветер стучит и стучит,
Он тоже не знает покоя,
Застывшую боль без конца бередит
Душевной печалью бывшее.
И не с кем делить непогоду души,
Слезой глаза застилает,
Кому-то звонить, сгоряча не спеша,
Пусть время тоску побеждает.
Но где же ты радость, летишь в вышине,
Душевный покой и святая любовь?
Раскройте объятия на грешной земле
Всем людям на счастье во веки-веков!

Ночь

Где я, с кем я, что за мир,
Окружил меня в тот вечер,
Вспоминала всех, кто мил,
С кем опять хотелось встречи.
В темноте, в ночном покое
Бился свист тревожной птицы,
Что её-то беспокоит,
Отчего же ей не спится?

Бабье лето

Лучше одиночество, чем дурное общество,
Так гласит народная молва.
Мудрое пророчество забывать не хочется
Думушка народная права.
Лучшая награда — видеть друга рядом
С разумом единым и душой,
И греху уныния будет как преграда
Сила дружбы чистой и большой.

Память

Опять спустился на ржаное поле
Клин журавлиный с криками печали,
Затихло к ночи русское раздолье,
Лишь на осине листья трепетали.
И тихо перезванивал ручей,
Мелодию природы напевая,
Закат алел, как тысяча свечей,
На горизонте мирно полыхая.

Качались синевою васильки,
Межу ржаного поля украшая,
Шептались волны в заводе реки,
Чёлн одинокий медленно качая.
Седые тучи в вышине
Землей вечерней любовались,
Село застыло в тишине,
Лишь журавли порой перекликались.
То было, было, прошлое стучится
Картиной детства, юности моей.
Мечта о счастье трепетною птицей
Была подруга тех далеких дней.

Хандра

Голова моя пуста
И душа немая,
У засохшего куста
Цвета не бывает.
Оттого он не поет,
Не шумит листвою,
Ох, ты горюшко моё,
Лихо мне с тобою.
Что ж ты катишься за мною
За кормою моих дней,
Дай душе моей покоя,
Растворись среди полей.
Там в полях такие травы,
Там ромашки, васильки,
Там качаются купавы,
Полыхают огоньки.
Спрячься в русское приволье,
Растворись тоска-кручина,
Пусть не будет моей болью
Стих мой — радости причина.

Недоростки

О чем шептали лисья на березе,
Поэт не мог стихами описать.
Хотел решить проблему эту в прозе,
Но также слов не может отыскать.

Поёт береза песню вековую,
И шелестит мелодия без слов
Про солнце, про годинушку ль лихую,
А может, про тоску и про любовь.

Эх, не поёт моя душа,
Знать струны радости порвали,
А дни летят, летят спеша
И в прошлом времени пропали.

Дай мне, Господи, жизненных сил,
Моя воля совсем износилась,
Околдован печалью мой мир,
Где-то счастье моё заблудилось.

Так судьба распорядилась,
Что-то в жизни не сложилось,
То, что в руки мои плыло,
Не поймала, упустила.

Ох, да какой я там поэт,
Душа и разум в единеньи
Вместе придумают куплет,
И вдруг соткут стихотворенье.

Почему справляем дни рожденья,
Мы, кому дарован белый свет,
А ведь в этой тайне сотворенья
Нашей то заслуги вовсе нет!
Поздравлять бы надо мать родную,
Перед нею падать на колени,
Что живем мы, дышим, существуем,
Чада материнского творенья.

Без книг, без шахмат, красок леса,
Без увлечений и идей,
Закрыла все в глазах завеса,
Не узнаю уже друзей.
И нет стихов, они пропали,
Им надоело жить с тоской,
Они, наверное, устали
От одиночества со мной.
А ведь они — моя отрада,
Но жизнь такая потекла,
Чему была безмерно рада,
Сгорело для меня до тла.
И без предела грех унынья,

за мною ходит словно тень,
Одна мечта моя отныне
Да будет ли спокойным день.
Да будут, будут дни такие,
И строчки добрые придут,
Я поборю тоски стихию,
Дождусь я трепетных минут.

Затишье, редкое затишье,
Стояло в парке среди листвы,
А разум выдал мне четверостишье,
И в тех строках был снова ты.
Наше последнее свиданье,
Кометой взорванный покой,
То Родины твое заданье
Другой обвенчано судьбой.
Разлуку, вечную разлуку
Тащила я с собою по годам,
Но осень ту, тоску и муку
Я никогда забвенью не отдам.
Вновь разукрасило аллею
Ковром цветастым бабье лето,
А я ещё сильнее жалею,
Что песня наша не допета.
Бабье лето, бабье лето,
Храни его, храни, храни,
Земля моя, моя планета
Опять ту осень нам верни.

О поэзии

Где строк бывалых наважденье?
Мне не хватает на них сил,
Как будто «ВЕТО» их рожденью
Молчащий разум наложил.
Ах, вдохновенье, вдохновенье!
Откуда прилетаешь ты?
Когда вдруг строк столпотворенье
Бегут на белые листы.
Тех строк энергию живую
Не гасит времени разбег,
Они тревожат и волнуют
Так много лет, так много лет.
Столетий прошлых сочиненья
Порой читаешь со слезами,
Их мысли, чувства, откровенья
Близки и так созвучны с нами.

Я плохой, и мир ужасен,
И впереди нет ничего,
И человек совсем несчастен,
И жизнь не радует его.
Мы экономим свет в квартире,
Как будто любим темноту,
Как мелочи в подлунном мире
Тревожат грешную толпу.
То нагрубили, или оскорбили
Тебя собратья по планете,
То бросили, недолюбили:
Так много зла на этом свете.
И вот беспечно, бесконтрольно
Гуляют мысли на свободе,
Свобода полная неволью
Погубит нравственность в народе.
Нельзя взбесившуюся стаю
С цепи на волю отпускать,
И должен ум не прекращая
Контроль над мыслями держать.

Одно несказанное слово
Тоской легло на все года,
Что было с уст слететь готово,
Застряло в сердце навсегда.
Одно единственное слово
Могло всю жизнь перевернуть,
Зачем же ты судьба сурово
Другой предначертала путь.
Но не могли переступить,
Стесненья, робости, волненья,
И лишь глазами говорить
Всевышней силы откровенье.
Любовь, священная любовь,
Что боги подарили людям,
До окончания веков
Хранить святыню эту будем.
А та любовь живет, живет,
В других краях родной России,
И сердце любящих замрет,
Что слову двери не открыли.

Предзимье, ветры как шальные,
Кружат и воют средь ветвей,
Туман, громады туч сплошные

Светило прячут от людей.
И полумрак дневного света
Окутал грустью все дома,
Украла осень бабье лето,
И что преподнесет зима?
Лишь детвора не унывает,
У ближней школы крики, шум,
Да стая голубей летает,
И голова трещит от дум.

Одна женщина

Одна женщина Вас любила,
Словно ей восемнадцать лет,
И про возраст она забыла,
И что Вы уже тоже дед.
Согревала любовь одиночество,
Щедрой радостью одарила,
Как же жить ей сегодня хочется,
Одна женщина Вас любила.
Ах, какая сегодня вьюга,
Замела все дорожки, забила,
Только женщине грусть не подруга,
Одна женщина Вас любила!

Уходит год

Ну, вот и новый календарь
на стенке прикололи,
Уходит прошлых дней печаль,
Не дай, бог, новой боли.
Всего прожито за год много:
И счастья, и беды немало,
Но стерлась в памяти тревога,
И струн душевных не щипала,
А полных таинств Новый год
Уж скоро, скоро на подходе,
И что опять он пронесет
Земле и людям и природе.
Надежда робкая моя
Мне тихой радостью свети,
И в бурной жизни бытия
Мне силы помощи найти!

Как часто мы не говорим друг другу
Как дорог нам какой-то человек,
Что поднял он такую вьюгу

В душе твоей на много лет.
А жизнь идет, проходят дни
В неудержимой спешке пропадая,
Приходит час и мы одни
И с горечью былое вспоминаем.

Билеберда

О, как хочу я полежать,
О, как диван меня манит,
Скорей на кухню убежать!
А там ватрушка как магнит!
А там ватрушечка та
С картошечкой ой, не могу,
И вот ватрушку уплетая,
Фигуру я не берегу.
Ну не на кухне же балдеть,
Вновь на диван присела,
Кино хотела поглядеть,
Но, где там, спячка одолела.

В Лукоморье уже не иду,
Видно пробил мой час отречения,
Присудила судьба мне беду
И подрезала все увлечения.
Мои стихи не вызывают восхищения,
Не совершенны, пусть плохи,
Но силы нет для отречения.
Они неведомо откуда
Внезапной вспышкой прилетают,
Я для себя писать их буду,
Они мне в жизни помогают.

Она и Сердце

Оно, наверное, кричало,
Всю ночь о помощи просило,
Она лекарства покупала,
А нитроглицерин забыла.
А сердце? Сердце спотыкалось,
Сбивая ритм своих ударов,
Как будто что-то обрывала
В груди неведомая кара.
Толкнет вдруг холодом волнения,
Внезапно болью закричит —
И тут же сразу облегченье:
Стучит! Стучит оно, стучит!

Давай, давай, ну не сдаваться,
Стучи, родимое моё!
Ведь надо нам весны дожждаться —
Успеем мы в небытиё.
Увидим цепь Уральских гор.
Ковер подснежников в лесу.
И громкий птичий разговор
Прорвет затишья полосу.
Средь нежной зелени кустов
Мы по тропиночке пройдем,
Пусть не приносят нам цветов,
А мы их сами соберем!
Вот алой лентой на рассвете
Полоски зарева зажглись —
Шагала властно по планете
Магическая сила — Жизнь!

Ну, нет, последняя тетрадь,
Я вновь купила продолженье,
Придется снова мне писать,
Пришло бы только вдохновенье.

Ах, где же, где же ты строка?
К кому ушла в ночную тишину,
Иль так плотны на небе облака,
И не поймать твою волну.
Она была, я слышала её,
Потом она внезапно убежала,
И вот четверостишие моё
Без той строки, рассеялось, пропало.

Скажи хорошие слова,
Не унывай, мой друг,
Все наши беды трын-трава
Не стоят наших мук.
Иль плохо мы с тобой живем?
Мой друг, ещё не вечер,
Уже коньяк, не водку пьем
По тридцать грамм при встрече.
Когда, мой друг, скажи ты мне,
Активно жить начнем?
В морозец легкий по лыжне
На Косью мы махнем?

Ах, эта чудная лыжня!
Она уж столько лет
Своей красой манит меня,
В душе, оставив след.
Мой друг! До Косьи мы дойдем,
Закалка наша пригодится,
И одолеем тот подъём,
Но как же нам с него спуститься?
Но помнишь, помнишь тот поход,
Когда мы с Косьи возвращались?
И тот опасный поворот,
Где как мячи мы кувыркались?
Всему своя пора приходит,
И как ни бейся, ни крутись,
Твоя судьба тебя находит,
Такая, друг мой, наша жизнь!
Нет, друг, ты только оглянись,
Как жизнь вертела нас кругом,
Коль жить активно собрались,
То до Утянки — то дойдем.

Скажи мне ласковое слово,
Мой друг, жестоких слов не надо,
От них расплакаться готова,
А слову теплому так рада!
А тот любящий и нежный взгляд,
Ни на минуту не забуду,
Вернуть бы прошлый миг назад
И окунуться в это чудо!
Жизнь так сурова и жестока,
Метелью радость размела,
Мне без любви так одиноко,
Так жажду нежные слова.
Скажи мне ласковое слово,
Улыбкой доброй освети,
Я буду с радостью готова
Силы житейские найти.

Ты где, вдохновенье?

Всё реже пишутся стихи,
Не шлет творец мне вдохновенье,
И вспышки радости жестки,
Приходят только на мгновенье.
Вот-вот душа моя заплачет,
Да что же ты за человек!
Вновь одиночество, что значит —
Опять общенья в жизни нет.
Эх, одену я новый наряд,

Кое-что на лице подрисую,
Может чей-то задержится взгляд,
И душа всколыхнется ликуя.
И проснется застывшее чудо,
Зацветет, запоёт, обжигаясь волнением.
Я в тетради своей снова буду
Писать строки ненужных творений.

Берёза

А на берёзе повисли слёзы,
И горько плакала берёза,
Что за осенним, густым туманом
Берёза встретилась с обманом.
Повисли ветви, берёзы руки.
Как у любимой в часы разлуки.
И что печальней всего на свете,
Промчался мимо изменник-ветер.
За ветром следам тянулись ветви,
А он промчался и не заметил,
Что тихой радостью как прежде,
Дрожали листья её в надежде.
Листочек жёлтый с ветви сорвался
За ветром быстрым лететь пытался,
Но скрылся ветер за лесом дальним
На землю падал листок печально.
И опадала краса березы,
И застывали берёзы грёзы.
Но будет лето берёзе сниться —
Всё повторится... Всё повторится...

Ещё не вечер

Ещё не вечер, ещё не вечер,
Мы проживем ещё
Неперспективный люд!
Пусть нас врачи уже не лечат,
Пусть нас в больницы не берут.
В двадцатый век одни напасти,
Терпела бедная страна,
Хотел Господь народу счастья,
Да видно вторгся Сатана!
Любовь к стране и гордость — силы,
Что беды наши отмели,
В полях пшеница колосилась,
И все дары родной земли.
Мы русский дух не потеряли,
Мы жизнь давали городам,
Заводы, шахты открывали,
Живите дети! Это вам.
Ещё не вечер! Ещё не вечер,

И старожил душой не стар,
Мы за друзей поставим свечи,
И вспомним юность — Качканар.

Чуть-чуть о жизни

Ох, ты жизнь моя недопетая,
Горем, радостью разодетая.
Но по солнышку и в ненастье
Догоняло меня моё счастье.
Ночью плакала, заливалась.
Утром мудрая просыпалась,
Всё обдумала, обсудила,
Сердце с разумом примирила.
Солнце радует, ждет работа,
И спокойна я, жить охота.
Куда горюшко удалилось?
Иль я Господу помолилась.

Давайте вспомним про любовь, лихие ветераны,
Пусть заиграет ваша кровь, забыв болезни, раны.

Спасибо Вам, мой доктор за весну,
Не за весну столь памятного года.
За то, что яркий луч блеснул
И нежности затеплилась дорога.
Ни слов, ни просьбы и мольбы
Все было сказано глазами,
И тайна милости судьбы
Плела волшебство между нами.
О время, время не лечи,
Не рви нитей согревших душу,
Пусть сердце болью покричит
И одиночество разрушит.
То было время радостных видений,
И дни как райский праздник хороши,
В те дни, мой друг, Вы были вдохновеньем
Для одинокой замкнутой души.
Но время сказки пролетело,
Огонь безумия погас
И я сквозь муки разглядела;
Мой друг! Я выдумала Вас.

Серёжка

Была обижена по злому,
Лежала и себя кляла,
Что навсегда чужому дому
Любовь напрасно отдала.
И так беда моя кипела,
Так застывала на глазах,
Что утопить её хотела,
И расплескать её в слезах.
Притопал на несмелых ножках,
Смеялся синью лучевой
У изголовья встал Серёжка —
Сосед двухгодовалый мой.
Мне пухлой тепленькой ладошкой,
Разгладил слезы по щекам,
— Не плач — просил меня Серёжка,
Готовый разреветься сам.
Не плач! Не плач! Глаза страдали
Уже наполнены слезой,
Ручонки шею мне обняли,
И он припал ко мне щекой.
Он так отчаянно просил,
С такою нежностью большой,
Что я могла набраться сил
Перед Серёжкиной душой.
За далью лет и непогод
Всё было средь моих дорог.
И ты, Серёжка, в тех дорожках,
Мне много выстоять помог.

2 июля 2014 года.

Она сегодня выпила одна,
Всего лишь рюмку горького спиртного,
И всю ту горечь выпила до дна
С отчаянья расплакаться готова.
В окошко рвался ошалевший ветер,
И сердце растревожено стучало,
За все её грехи на белом свете
Душа от новой горести кричала.
Опять вступила в пропасть неудачи,
Опять душе и сердцу нет покоя,
Который день слезами небо плачет,
И омывает улицы тоскою.
Вот в злом порыве сильный ветер
Сучок у тополя сломал,
И тот стоит и горд и светел,
Он боль свою не замечал.
Стихала на душе её печаль
И уплывала тихо, безнадежно,
И унося тревогу вдаль,

Воспоминанья грелись нежно.
Она опять сегодня вспоминала
Про вечную любовь свою живую,
Что радостью на сердце трепетала
Аллилуйя любви! Аллилуйя!

Я ещё не сказала последний свой стих,
Не тревожь мою душу печалью строка,
Силы духа заряд не исчез, не утих
И людская любовь согревает пока.
Соберутся друзья в одинокий ковчег
И прочтут, что душа сотворила,
Что духовно и нравственно жил человек
И любви несгораемой сила.
Как же трудно пришло поколение моё
В это смутное время замены эпох,
Непонятно кому и зачем, почему
Оказался наш строй равноправия плох.

Старый друг лучше новых двух
Так всегда в старину говорили.
Смысл пословицы той до сих пор не потух
На земле те пророчества жили.
И листаешь года, как страницы у книг,
А страниц тех всё меньше осталось.
Но душевный подъём беспредельно велик,
Если дружба всю жизнь не кончалась.
Непогода душевная часто шалит,
Без причины тоска донимает,
Обязательно друг позвонит мне в тот миг,
Словно он позывные читает.

Сказали: Прочитай мне лучший стих,
Который, в этой книге написала,
А лучший стих мой спрятался, притих
И в книге я его не отыскала.
Но как просторы наши велики,
Меня мечта в края родные уносила,
Где ландыши, фиалки, васильки
И все цветы родной моей России.
Мне лучшего стиха не отыскать
Их не хочу по мастерству делить
Не может же родная мать

Детей своих по-разному любить.
И что ж ты моя робкая строка
В каком-то измерении блуждаешь
Как яркий свет блеснешь издалика
Четверостишие в тетради оставляешь.
Свой лучший стих не написала я,
Я слишком поздно творчество познала
Была друга тропка бытия
А я на ту тропинку опоздала.

Что ж ты моя распятая любовь
Не отречешься от страданий,
Вот снова тень её годов
Толкнулась в дверь воспоминаний.
Они как ранняя роса,
Слезой осядут на ресницах,
Душа поверит в чудеса,
Что счастье может повториться.
Что где-то в горе и печали
Душа другая ищет кров,
И вместе бы они познали
Им богом данную любовь.
И пусть любовь святая будет
Словно у первых христиан,
И чистотою её люди
Сотрут распутство и обман.
Средь зачарованной тиши
Березы трепетно стояли,
Две тонких и израненных души
Любовь свою извечную искали.

У нас опять цветет сирень
Крадется вечером прохлада,
Ещё один проходит день,
А мне лишь прошлое отрада.
Не знаю где, в каком краю
Затерян крест его пути,
Я тайну горькую свою
В мечтах своих хочу найти.
В почтовый ящик постоянно
Смотреть в пустую щель идешь
Вдруг ты, мой демон окаянный
Внезапно весточку пришлешь.
Когда он в жизни вдруг порвет
Последней радости струну
Пусть кто-нибудь к нему придет;
Нельзя, нельзя быть одному.

Белой скатертью ночь застелила весь город,
Утром снежные искры блестят.
Качканарский пейзаж вдруг особенно дорог,
Как волшебен деревьев наряд.
Как пушисты любимые мною березы,
Стройный тополь стоит горделиво.
Я не знаю, то явь или грезы,
Но мне кажется всё, что проснулось счастливо.
На какой-то момент я забыла Донбасс,
Не смотрю я по телику вести,
Пусть там будет всё тихо сейчас,
Все здоровы и рады и вместе.

Но как, откуда прилетает
Такой губительный настрой,
Залезет в душу и терзает,
Как говорят «хоть волком вой».
Но только сказано у бога;
Наше уныние есть грех
Должна же в жизни быть дорога
Добра и радости для всех.

Любимый, подари мне вдохновенье!
Я напишу тебе такие строчки
И нежные слова рекою откровенья
Заполнят рифмы чистые листочки.
Ты помнишь, как березы трепетали
И в луговых цветах кружился ветер,
А мы своей любовью обнимали
Живущих всех на этом белом свете.
Как хорошо, что вместе мы,
И мы любви не расплескали чашу,
Не потому ли пламенем весны
Нам жизнь судьбу согрела нашу.
Любимый, дай мне вдохновенье,
Пусть строчки слов заговорят,
И вновь стихов прикосновенье
Раскрасит жизненный уклад.
Весна придет и будет лето,
И осень краски разбросает.
Любовью мы с тобой согреты
И нам зима не помешает.

Звучала музыка, и лился страстный голос,
То Ободзинский пел свои шедевры,
А человек, был слаб, как одинокий колос,
И душу ранили измученные нервы.
Но пел певец так трепетно и нежно,
А голос звал: любимая приди.
И в человеке вспыхнула надежда,
Светло и радостно затеплилось в груди.
И словно счастье поселилось в доме,
И так легко на свете стало жить,
А голос всё звучал в магнитофоне
И призывал любить, любить, любить...
Всевышним музыке могущество дано,
И человек от безнадёжья выжил,
И словно в песне у певца «в окно
Луна глядит лисицей рыжей».
Молчала ночь, таинственно тиха
И человек рассвет встречал,
В душе жило предчувствие стиха —
Он бытия гармонию познал.

У нас зима, примчалась вьюга,
И белый снег закрыл ковёр земли,
А Ложкины живут себе на юге
Березы в кружеве увидеть не могли.
А помните лыжню за прудом,
Лыжню на Косью в девственном лесу,
Где лес встречал волшебным чудом,
Раскрыв Урала древнюю красу.
А помните ту снежную поляну
В узоре свежих заячьих следов,
А на краю рябины куст румяный
Невестой был средь голубых снегов.
Ну, ничего, и там Россия наша.
Другой пейзаж уже ласкает глаз?
Пусть не скудеет жизненная чаша
И вечно счастье охраняет вас.

Романс

Прикоснуться бы к Вам, лишь бы сжать Ваши руки,
Пусть господствует вновь это время разлуки.
Пусть я вижу прекрасные Ваши глаза
И бушует в душе от волнения гроза.

Пусть бушует любовь, пусть другой мне не надо,
Я хочу испытать муки этого ада.
Пусть черемухи цвет осыпает гроза,
Мне бы только взглянуть снова в Ваши глаза.

Этот звон тишины, эти майские ночи,
Где когда я увижу опять Ваши очи?
Мне без них не порвать одиночества нить,
Это счастье страдать.
Это счастье любить.
Где мне Вас отыскать?

Так хочу я увидеть свой город
И вдохнуть свежий воздух полей.
Город детства мне близок и дорог
Он приходит ко мне среди бессонных ночей.
Ох, завьюжила, заметелила,
Жизнь сплетала денечки в года,
Как молитвенно людям верила,
И предательств была череда.
Но от прошлого жизнь не мается,
Вдруг из времени кадр прилетит,
И спокойно всё вспоминается,
Как бывало, душа не болит.
Ночка, ноченька. Ветер бесится,
Проплывает луна свой путь,
Вновь донбасская окоlesiца
Не даёт мне всю ночь уснуть.
В родном городе побывала,
По лугам, по полям походила,
Только сна ещё не бывало,
Зато всех друзей навестило.

Не знаю с кем мне биться,
Кого мне побеждать,
Не может мне открыться
Нашествий всяких рать.
С одной бедою справишься —
Вторая вслед за первой,
Ах, жизнь, моя красавица,
Чего всё бьёшь по нервам?
Возьму гитару в руки
И запою любимое,
Простите: к черту муки,
Ведь жизнь у нас единая.
Звени, звени, моя гитара,
Пусть успокоится душа,
Мне не страшна любая кара,

Жизнь так безмерно хороша!

Вот хутор наш передо мной,
Я босиком бегу по лужам,
А мама мне кричит: «Домой!
Скорей, а то остынет ужин!»
О, сколько гроз в моём пути,
Прошло по жизненным дорогам,
Но только в памяти моей
Застряло их совсем немного.

Донбасс

Вокруг рвался снарядов шквал,
А на руках малыш шептал:
Я дядя, к маме хочу, к маме,
И застывали звуки слов под побелевшими губами.
Солдат дитя к себе прижал:
Вот он, спасительный подвал.
Кровь малыша с зажатых ран
Катилась по его рукам.
Он до подвала добежал,
Дитё кому-то передал,
И сам хотел в подвал шагнуть,
Чтобы чуть-чуть передохнуть.
Солдат успел ещё услышать:
Скорей, скорей, мальчонка дышит,
Ударил в сердце боли ком,
И замертво свалился он.
А мальчик выжил, мама рядом,
Глядит, глядит счастливым взглядом,
Сынок, кровиночка родная,
И слёзы счастья утирает.
Солдата привезли домой,
В Сибирь, к земле его родной,
Жена, сынок, дочурка — горе,
И слёз невыплаканных море.
Донбасс, Луганск живут в аду,
Всё перемирья ждут и ждут...
А Украина — ридна мать,
Лишь мирных граждан убивать.
О, если ожил бы Шевченко,
То может быть, стихи бы были:
Диты, мои диты, шо ж вы наробили?
Вы за что шесть тысяч родичей убили?

Любила с детства Украину.

Шевченко вирши заучала,
Не виданную мной картину
С вишневым садом рисовала.
Он наяву, садок вишневый
Красою белой зацветал,
А время шло в саду вишневом
Меня ты вдруг поцеловал.

Лето пятнадцатого года
Промчалась мимо Качканара,
Стояла скверная погода —
Небес неведомая кара.
По целым дням дожди стучали
В окно капелью дождевой,
Антициклоны и циклоны
Вели войну между собой.
А ветер, что только ни делал!
Сгибал деревья он дугой,
И вот уж лист березы белой
Покрылся краской золотой!
И нарядилась вся природа,
То был осенний карнавал,
То праздник был, кончины года
И красотою он сверкал.

О, эти женщины — старушки
Они влюбляются в врачей,
И слезы каплют на подушки,
И кровь струится горячей.
Вот- вот обход, и врач в палату
Влетит с тонометром в руках,
А женщины в новых халатах
И крем душистый на щеках.
Врач улыбнется только ей,
Возьмет за руку пульс послушать,
А ей на сердце веселей,
И теплотой согреет душу.
Ужель не знаете? Любовь —
Она дана тебе на век
И старики узнают вновь,
Чем счастлив в жизни человек.
Вот врач руки твоей коснулся
И столько в сердце теплоты,
Ты словно в молодость вернулся,
Где жизнь, любовь и он и ты.
О, старики мои родные,
Нельзя, нельзя любовь терять,

Её деяния святые —
В сей жизни людям помогать.

Как же так получилось,
Что под самую старость,
В жизни так все сложилась,
Без подруги осталась?
Уважаю я женщину
К счастью с мужем она,
Я с тоскою повенчана
В своих стенах одна.
В книге высказал мнение
Тот французский писатель,
То, что радость общения
Подарил нам создатель.
Так вот все треволнения
Человек тащит другу,
Чтобы сбросить мгновенно
Всю душевную вьюгу.

Не воцерквилась

В моей душе закрыто веры семя,
Моя беда; оно не проросло,
И прошлого безбожья время
Сомнений суть не унесло.
Я не умею обуздать
Грехи свои и родовые,
Молитвой не хочу мешать
Творцу творить дела иные.
«Не согреси», — я повторяю,
Но нет заветного смиренья,
На те же грабли наступаю
В часы волнений и сомненья.
Грехи — уныние и лень,
Зависть и гнев, и много прочих,
Во мне бытуют каждый день,
Хотя душа грешить не хочет.
Да, видно разум не помог,
Чтоб семя веры распустилось,
Брела средь жизненных дорог,
И всё никак не воцеквилась.

А я всё пишу про любовь

А я всё пишу про любовь,
Которой, судьба не дала.

В прожитой спешке годов
Любовь в пустоту увела.
Теперь вспоминаешь глаза,
Что в нежности, ласке купали,
Но вот разразилась гроза,
И дни без любви пропадали.
Любовь всегда - святые муки,
В волненье разум, сердце и душа
И меньше ссор, обид, разлуки
И жизнь — рай, богом данный — хороша.
Любимого волшебный взгляд,
Сквозь бег годов я берегу,
И как набат слова его звучат,
Что на одном мы были берегу.

Когда мой друг, скажи ты мне,
Активно жить начнем,
В морозец лёгкий по лыжне
На Косью мы махнем?
Ах, эта чудная лыжня,
Она уж столько лет
Своей красой меня манит,
В душе оставив, след.
Мой друг, до Косьи мы дойдём,
Закалка наша пригодится
И одолеем тот подъём,
Но как же нам с него спуститься?
Ведь помним, помним тот поход,
Когда мы с Косьи возвращались
И тот опасный поворот,
Где как мячи мы кувыркались.
Всему своя пора приходит,
И как ни бейся, ни крутись,
Твоя судьба тебя находит,
Такая друг мой, наша жизнь.
Нет, друг, ты только оглянись,
Как жизнь вертела нас кругом,
Коль жить активно собрались,
То до Утянки лишь дойдем.

Слепому труднее стихи сочинять,
Меняются краски и чувств описание,
Что можно о небе, о лесе сказать,
Они лишь живут в сознание.
Беднеют, беднеют мои стихи,
И мысли не ярки и строки плохи,
В них лишь тоска и страдание,

Что это, иль воля ослабла моя?
Я в жизни нитьём не страдала,
Весны ли цветенья не видела я?
В лесу много лет не бывала?
О, лес ты моё бесконечное диво!
Не счесть нам природы даров,
Святая земля, до чего ты красива,
Ты щедрый подарок богов!

Мой друг, мы всё еще на разных берегах,
И речку бурную не можем перейти,
И утопает всё в немереных шагах
Не пройденного душами пути.
А кто-то должен первым сделать шаг,
Чтоб двери распахнулись в рай земной,
Пусть это будет долгожданный взгляд,
Взметнувший душу пламенной волной.

Я забуду, не стану помнить,
Утоплю я тоску по тебе,
Но какое душевное чудо
Пролегло по моей судьбе.
Дни и ночи ты словно рядом
О, как сладко вставать по утрам,
Скоро — скоро ты встретишь взглядом,
Суть которого послана нам.
Что же разум, душа, что со мною,
Что в природе открылось мне вновь.
Неужели она, что даётся судьбою,
Долгожданная наша любовь.

Опять разлады разума с душой,
В потоке дум тревожных и угрюмых,
Проходят дни тревогою большой
В тяжёлых, непрерывных думах.
Я оборву свою печаль,
С душою разум примирю,
Отбросив горестное вдаль
Свои желанья растворю.
Опять пушистый белый снег
Деревья в парке наряжает,
На чистой тропке чей-то след
Тихонько ветры заметают.

Так, уходящие года,
Из книги жизни пропадают.

Любовь всегда соединенья ищет,
Лишь одного сердечко выбирает.
И нет на свете чувства чище,
Что двух людей на век соединяет.
Но почему я думаю о Вас,
Ведь не было у нас любви сближенья,
О, как же часто я в бессонный час
Вас вспоминаю с грустью и волненьем.
Но не сложилось — как и почему?
Судьба за что-то спутала дороги,
Оставив в памяти цветущую весну,
Глаза любимого, волненья и тревоги.

Уходят друзья, пустота остаётся,
Порой забываешь, что их уже нет.
Лишь только рука телефона коснётся,
Осадок печали: ведь друга то нет!
Но те же березы стоят молчаливо,
И та же луна заглянула в окно,
Стоит на пригорке плакучая ива
И вечером тихо, свежо и темно.
И прошлые годы врезаются в память,
Напомнили мне институтскую даль,
По Пушкинской вместе с друзьями шагали,
Исчезли из сердца тоска и печаль.

Е.Ж.

Засохший цветок Марьян корень
Лежит меж страничных листов,
Возьмёт она книгу и вспомнит
Была как святыня любовь.
Как зацвели в лесу цветы;
— краса неодолимая,
Сказал мне ласковое ты:
«Пойдём в тайгу, любимая».
Ах, что же ты понатворил
Край горношорский с нами,
Ты нас навек соединил
Железными цепями.

Люблю, люблю я Новый год!
Жду я его прихода,
Со мною вместе его ждут
Земля, леса, природа.
Когда всё в белых кружевах
В душе тревога и волнение,
Торопят стрелки на часах
Таинства приближение.
В душе волнительно живут
Мечта, надежда, ожидание,
И счастье с радостью придут
Сегодня на свидание.
И все прошедшие года
Мелькнут спокойным житием,
Дай Бог, чтоб так было всегда:
Случалось то, чего мы ждём.
Чтоб путеводная звезда
Дорогой счастья шла всегда!

Бог создал грешницей меня...
И что мне делать, как мне жить?
Свои пороки сохрани, тропой обманною ходить?
В душе кого-то обсуждаю,
О ком-то плохо говорю.
Общаться с кем-то не желаю.
Зачем я это все творю?
Как изменить все верой в бога,
Когда грехи мои со мной?
И болью по душе тревога
Ползет ночью тишиной.
И ты ночью тишину все хочешь слушать, слушать, слушать.
Быт может что-то позовет
Печаль нечуждую разрушить.

Живем не хлебом мы единым:
Мысли, сомнения, откровения...
И нам совсем не объяснимо
Откуда все наши творения

Но вот приходит вдохновение,
Когда ты что-то совершил
И нес свое предназначение:
Ты жил, ты мыслил, ты творил!

В тайгу сбежать бы, что ли без оглядки,
В черемуху, рябину, край берез,
В осинники краснеющие шляпки
Боровики увидеть в каплях слез.
О как бы светлое святое не забыть,
Привычной жизни аромат цветенья,
Людей, Россию до конца любить,
Дай Бог на все мне силы и терпенье!

Сколько строчек я Вам написала,
Чтоб на волю умчалась любовь,
А она уходит не желала,
Мою душу печалила вновь.
О, какие глаза у любви —
Столько нежности, власти и силы
Ну не мучай меня; уходи,
Я молила её, я просила.
А она растопила печаль,
Морем ласки в глаза заглянула,
Ничего не могу, ничего мне не жаль,
В этой ласке невольно тонула.
Но осталась одна, вечер звёзды зажег
И тоска меня вновь одолела
И накинув платок, выхожу за порог
В темноту все глаза проглядела.
Снова в сердце горит полный нежности взгляд,
И слеза на глаза набегает,
А березы в саду что-то мне говорят,
Только я языка их не знаю.

Зачем же в вечер выпускной,
Ты ждал меня у института,
Сказал: весь вечер будь со мной,
не отпущу ни на минуту.
Так жег огонь твоих речей,
Ты плакал на груди, о боже,
На ней женился потому,
Что на меня она похожа.
Живу я, прошлое, храня,
Остался ты всего дороже,
И вот живёшь с похожей на меня,
Мне ж на тебя не встретился похожий.

Воспоминания

Милый мой Бежецк, ты так далеко
Встретиться в новь нам теперь нелегко.
Сердце подводит и нервы, глаза.
Черною тучей над жизнью гроза.

Я не увижу любимый горсад,
Церкви твои, что звонят и звонят,
Речку Мологу, приток Остречину,
Улочек древних и скверов картину.

Друга любимого больше не встречу,
Только лишь вечер, последний наш вечер.
В сердце, в душе, он горит и горит,
Он никогда не забыт, не забыт.

Жить помогает тревожная память,
Не пустота, а прошлое с нами,
Взгляды любимых, любовь и печали,
Жизненный путь как ковры устлали.

Воспоминания как светоч из тьмы,
Было и счастье, тревоги, печали,
Мы с вами жизни дороги познали.
Вот оно счастье, вот она жизнь,
Так что дружок за нее и держись.

Иван и Мария

Мария не была в родном городе лет двадцать. Бежецк, любимый Бежецк, город детства и юности, он почти не изменился. Основная застройка — деревянные одноэтажные дома и лишь один квартал застроен современными пятиэтажными кирпичными зданиями. Реки Молога и Остречина делят город на три части.

Проходя по Штабскому мосту, Мария увидела, как рядом с мостом Мологу переезжала лошадь с телегой. Это было необъяснимо: что сделалось с широкой, полноводной Мологой, разделяющей Штаб с центром города?

Мария ходила по улицам города, таким родным и совсем не изменившимся. Она ускорила шаг, прошла автовокзал, третью школу и вышла на улицу, в конце которой стояла вторая школа. В скверике возле школы, Мария присела на скамейку, слушала церковный колокол, а в сердце опять возникала картина прошлого, и не было сил не вспоминать юность свою далёкую.

Тогда Мария впервые пошла на вечер во вторую школу с подружкой Зиной. Были танцы: танго, вальс, фокстрот. Тогда было принято, что девочки в паре выходят танцевать, а парни подходят к ним и разнимают. Мария ещё раньше заметила, что за ней и Зиной наблюдали два парня, высокие, красивые и одеты как «денди лондонские». И вдруг, они подходят к ним с Зиной и разнимают. Мария вся сжалась в комочек. В изящном костюмчике, рубашке, галстук парень выглядел великолепно. А она? На ней штапельное коричневое крашеное платье, тапочки то ли из дерматина, то ли ещё из какого-то кожзаменителя. Мария сжалась от стыда, а когда встречала взгляд парня полный доброжелательства, ласки, добра, у неё сжималось сердце от какого-то неизведанного чувства. Ей было хорошо и тревожно, и стучало сердечко, как молоточек. Стоило только вскинуть ресницы, она видела глаза партнёра, и что-то случилось или с душой, или с сердцем. Но было чудо! Танец закончился, парень отвёл Марию к Зине. Мария шепнула Зине: «Я уйду» и выскочила из зала. Она оделась в раздевалке и пошла домой, ей было стыдно своего платья, тапок. Потом она узнала, что парень окончил десятый класс, поступил в Московский университет, и время всё стерло.

И вот в этот приезд в Бежецк, она забрела в парк возле второй школы и увидела на скамейке мужчину, так похожего на того парня. Они сидели на разных скамейках, и изредка взглядывали друг на друга. Так было, наверное, дня три. А сегодня Мария запоздала и думала, что он уже ушёл. Когда она подошла к школе, он вдруг поднялся со своей скамейки и пошёл ей навстречу.

— Ну, здравствуй, моя юность. Я тебя сразу узнал, но не знал, как подойти. В библиотеке я увидел твои книги, мне рассказали всё про тебя. Я живу один уже три года, вот решил поговорить с тобой. Ты хоть помнишь меня? В воздухе звенел такой чистый и звонкий церковный колокол. — Я Иван, — сказал мужчина. Я — Мария, — сказала она. Пойдём в церковь — сказал Иван. — Пойдём, — она даже не спросила зачем. В церкви они подали нищим, поставили свечи об упокоении и здравии своим близким, и Иван сказал: «Ты посиди тут». Ивана не было минут сорок, потом он пришел, взял в руки её лицо, поцеловал глаза: «Мария, Мария! Я договорился, что завтра нас обвенчают». — Да ты что, Иван, правильно ли это? Мы ещё так мало вместе. Так бывает? — Бывает, мы знаем друг друга со школы. Помоги нам, Господи!

Как же вы поживаете, «берендеевцы»?

Это было более тридцати лет назад. За суетой рабочих буден этот случай не вспоминался. Но вот однажды, разбирая старые фотографии, я вспомнила ту лесную полянку — и, как живая, выстроилась вся картина.

Как всегда, в воскресенье, покончив с домашними делами, я встала на лыжи.

Лыжня начиналась от самого дома. На улице такая благодать! Лыжи скользили, как по маслу, и такое чувство легкости несло меня вперед - душа радовалась. Когда я возвращалась, солнце, большое и красное, висело уже над горизонтом. После поворота на Косью лыжня пошла с уклоном к Качканару, и почти без всяких усилий, в хорошем настроении катилась я в сторону пруда.

Вдруг метрах в трехстах от меня по поперечной лыжне, как зайчишки, пробегают маленькие фигурки - одна, другая, третья, четвертая — и скрываются за деревьями. Господи, да куда же их несет? Ведь солнышко скоро спрячется за лесом. Я докатилась до поперечной лыжни и повернула вслед за мальчишками и догнала их.

— Эй, парни, вы куда?

— А мы на Берендееву гору, — сказал самый рослый из пацанят, очевидно, заводила.

— А где эта гора?

— А вон там, — и махнул рукой в сторону вершины Качканара.

— Так, — говорю я, — а теперь повернулись и посмотрели на солнышко. Видите? Оно зацепилось за лес и скрылось почти наполовину. Скоро уйдет за горизонт — станет совсем темно. И тогда из своего логова вылезут голодные звери. Они растерзают вас и сожрут... Разве вам об этом не рассказывали?

Память моя высвечивает взгляд самого маленького «берендеевца». Он смотрел на меня такими умоляющими, несчастными глазами и молил о помощи.

— Давайте поворачивайте — и за мной! Я покажу вам короткую дорогу до дома, а по той, что вы шли, вам засветло недойти.

Они повернулись без лишних разговоров, и мы покатались к косьинской лыжне. До пруда оставалось уж недалеко, но тут два «берендеевца» остановились:

— У нас там закопаны санки, а без них нам домой нельзя.

— Ладно, идите. Но мы вас не бросим, я попрошу кого-нибудь, чтобы вас вывели из леса до города.

А мы вдвоем добежали до пруда. Было около семнадцати градусов мороза, дул сильный ветер. Малыш уже совсем не мог идти. Лыжню замело, а на валенках идти тяжело. Я взяла свои и его палки в левую руку, его поставила на лыжню, сама сбоку тащу его. Он тихонько всхлипывает, сморкается, вроде как плачет. Второй пацан с трудом поспевает за нами, но держится. Чтобы как-то отвлечь их, я начала нести всякие небылицы: вроде бы мы разведчики, у нас ценные сведения, и мы спасаемся от немцев — в общем, выдумывала что попало.

Примерно на середине пруда навстречу бежали Геннадий и Тамара Шеломенцевы. Я рассказала им про оставшихся в лесу мальчишек.

— Хорошо, — пообещал Геннадий, — мы их найдем

— Тогда я спокойна, — сказала я, и мы заспешили к берегу.

Мы пришли во второй дом на восьмом микрорайоне. Я постучала в дверь моих друзей Бабичей, но их не оказалось дома. «Берендеевцы» мои уселись на лестнице в подъезде. Когда я повернулась к мальчишкам — ужаснулась: у малыша лыжи были с валенками. Сидит он на лестнице, полные валенки снегу, ножонки красные и голые, даже никаких носочков нет.

Я постучала в соседнюю дверь — вышла женщина. Глянула на эти красные ножонки — и охнула:

— Заходите скорей. У меня спирт есть, сейчас натрем ноги.

Мы расположились на кухне. Это была квартира Слезкиных. Хозяйка принесла мягкое полотенце, спирт, хорошо протерла ноги полотенцем и стала растирать спиртом. Потом принесла теплые шаровары с начесом, шерстяные носки, свитер, одела малыша. Напоила всех чаем с вареньем и накормила пирожками. Из разговоров с ребятами мы узнали, что один из них с девятого микрорайона, двое - с десятого, а самый маленький — с Первомайки. Это были или первоклассники, или детсадники старшей группы — мы не спросили.

Отогрелись ребята, и один пошел на девятый микрорайон («Я недалеко живу, я сам дойду»). А Слезкина собрала в пакет мокрую одежду малыша, дала валенки и сказала:

— Я отведу его на Первомайку.

В следующее воскресенье я встретила на лыжне Шеломенцевых. Они рассказали, что нашли пацанов, нашли и откопали их санки и развели ребят по квартирам в десятом микрорайоне...

Прошло много лет. Но я нередко вспоминаю этот случай. Как же выживаете, «берендеевцы»?